

Любимова Г.В. “Хлопцы-засевальщики” и “девки-щёдры”: к вопросу о соотношении мужского и женского колядования в фольклоре российских переселенцев Сибири // Славяне и их соседи. Межславянские взаимоотношения и связи. Средние века - раннее Новое время. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 104-107.

Известно, что в своем традиционном варианте каждый структурный комплекс восточнославянской календарной обрядности исполнялся определенным сообществом сверстников, особой половозрастной группой (1). Вместе с тем, на поздних этапах своего бытования многие обычаи и обряды календарного цикла характеризовались чрезвычайно размытым составом исполнителей. Особенно показательным в этом отношении представляется **святочное колядование**. Рассмотренное на сибирских материалах, оно дает возможность сравнить традиции различных групп восточных славян, нередко проживавших “по-соседски”, в пределах сравнительно небольших территориально-административных единиц.

В поздней традиции такие виды колядования, как рождественские славения Христа и новогодние “посевания” изб зерном исполнялись в основном детьми - *“небольшими партиями ребятнишек, парнишек и девочек”*. В более ранних источниках содержатся сведения об участии в обходах иных возрастных групп. Так, в “Сибирском народном календаре”, опубликованном в 1913 г., сказано, что участие в зимних святочных обходах принимали *“до 20 человек мужиков и холостых ребят”* (2). Более поздние источники фиксируют размывание традиции, которое выразилось в расширении круга участников за счет подключения детских и женских групп, однако первоначальный состав обходчиков был, вероятно, мужским, поскольку символика сева связывалась именно с мужскими обрядовыми функциями.

Авторы первых сводных трудов по календарной обрядности восточных славян, не всегда располагая точными данными о районах бытования обычаев и обрядов, не могли не поддаться искушению связать новогоднее “посевание” изб зерном с обычаем кликать Овсень на Святки - ср.: *Овсень - старинный земледельческий праздник, “в коем главное действие есть обсыпание или обсевание”* (3). Примечательно, что ни один из авторов не привел описания, в котором был бы соблюден принцип единства времени, места и действия; иными словами, указанные обычаи исполнялись в разное время суток, в разных местах и разными лицами - ср.: *“засев” бывает 1-го Января, “пред обеднею”, когда мальчишки и молодые парни отправляются посыпать зерном в хатах или избах; Овсень же под окнами, ввечеру Нового года, когда “едва появятся звезды на небе”, кличут молодые поселанки - молодки и красные девицы* (4).

Согласно полевым материалам, подобного же разграничения колядования на мужское и женское придерживались переселенцы из южно- и малорусских (Курской и Черниговской) губерний. Так, белорусские переселенцы с Черниговщины, проживающие ныне в Маслянинском р-не Новосибирской обл., (сс.Петропавловка, Прямское, Пеньково), различали новогоднее колядование парней и девушек: по словам информаторов, *“хлопцы-засевальщики утром на Новый год по домам ходили, а девки-щёдры - вечером (то есть, накануне Нового года) под окнами пели”*.

Песенный репертуар “засевальщиков” нередко включал мотив, в котором в Бог и святые в качестве пахарей и сеятелей выступают помощниками на поле

у хозяина. У курских переселенцев, проживающих в Курьинском р-не Алтайского края, были записаны следующие колядки:

Илья и Василий	Ходит Илья
По полю ходили,	На Васильева дня,
Увидали плужок,	Носит пугу жительную,
Как за тем плужком	Ишо мытельную,
Сам Бог ходя,	Куда конь хвостом,
Пресвятая Богородица	Туда рожь кустом,
Кушаньянося,	Куда коза рогом,
Бога прося	Туда сено стогом.

(Е.Е.Повелева, 1910 г.р., с.Ивановка,
Курьинский р-н, Алтайский край)

(А.А.Затуливетрова, 1911 г.р., с.Горновка,
Курьинский р-н, Алтайский край)

Практически тот же зачин содержится в тексте черниговских переселенцев: *“Ходит Илья На Василия, / Носит пугу плетяную, / Дретяную, / Иде пугой махне, / Там жито росте, / В поле ядро, / А в доме добро”* (М.И. Панюшкина, 1914 г.р., белорус., с.Петропавловка, Маслянинский р-н, Новосибирская обл.)

При явном преобладании мужских святочных обходов в литературе и других источниках зафиксированы самостоятельные женские обходы, для которых характерна иная тематика исполнения. У курских переселенцев записан текст девичьей колядки на известный сюжет о том, что “молодец охотится за ланью (серной, куницей лисицей), которая оказывается девичьей” (5). Редкие для сибирской этнографической литературы сведения о девичьем колядовании содержатся в работе М.В.Красноженовой (6). Текст записанной ею колядки практически идентичен тексту, записанному в Алтайском крае – ср.:

Куры, куры,	Раным-рано заря занялась,
Куры ранние,	Куры запели,
Кочаты молодые,	Иван-то вставал,
(Г)ребени золотые,	Звонком зазвонил,
Не пойте рано,	Братьев разбудил,
Не будите пана,	Вставайте, братья,
Как наш пан	Езжайте в поле,
Молодой Иван,	За куницами,
На войне он был,	За лисицами.

(записано от курских переселенцев в д.
Покровка, Тяжино-Вершинская вол., Томская
губ).

С войны приехал,
Лучком прозвонил,
Братцев разбудил,
Вставайте, братья,
Седлайте коней,
Ступайте в поле
За куничками,
За лисичками,
За красными
За девичками.

(Е.Е.Повелева, 1910 г.р., с.Ивановка,
Курьинский р-н, Алтайский край)

Относительно женских обходов, пронизанных брачными мотивами, в литературе высказывалось мнение о том, что в восточнославянской традиции они ограничивались функциями семейных благопожеланий и “совершались в

основном для сбора коллективной ритуальной трапезы или чего-нибудь, необходимого для гаданий”, вследствие чего носили ситуативный (оказиональный) характер (7).

Полевые материалы показывают, что женское колядование не ограничивалось указанными функциями. В традиции черниговских переселенцев записаны девичьи колядки на сюжет о том, как Бог со своим “семейством” (“ангеляточками” или “боженятками”) оказывается под Новый год в гостях у хозяина:

Ти дома, дома,	А у пана, пана,
Сам пан хозяин?	Пана Ивана,
Святый вечер,	Святый вечер,
Добрым людям!	Добрым людям!
Кали ён дома,	Посярѣд двора
Прибирай свой дом - (припев),	Стояла яворя – (припев),
Прибирай свой дом,	На той явори
Застилай столы – (припев),	Свечи гарели – (припев),
Застилай столы,	Свечи гарели,
Клади пироги – (припев),	Воски капали – (припев),
А приде к табе	Воски капали,
Сам Бог вечерять – (припев),	В озѣра стаяли – (припев),
Там жа он сяди	А в тых озерах,
Да-й на покути – (припев),	Сам Бог купався – (припев),
Ангеляточки	Сам Бог купався
По застолику.	С боженятками.

(записано от М.Н.Дударевой, 1920 г.р. и М.В.Цыганковой, 1919 г.р., с.Петропавловка, Маслянинский р-н, Новосибирская обл.).

Образ дерева (“явори”) приобретает здесь поистине космическое звучание, являясь своего рода “осью”, соотнесенной с верхним и нижним мирами, и превращающей двор хозяина в центр мироздания. Аналогичного образа в фольклоре сибиряков-старожилов обнаружить не удалось.

Итак, рассмотренные виды колядования различались по времени, месту и тематике исполнения. Девичье (женское) колядование совершалось в темное время суток под окнами домов, (то есть относилось к “подоконному” типу колядования, обладавшему, по мнению ряда исследователей, признаками большей архаичности), но при этом не содержало угроз, характерных для традиции мужских святочных обходов.

Требование вознаграждения, настойчиво звучавшее в мужских “посевальных” песнях (ср. устойчивую формулу “не дадите пирога, берем корову со двора”), находит обоснование в том, что сами колядовщики некогда осознавали себя реальными подателями благополучия, выступая, по сути, в роли “вершителей судеб”, вольных насладиться урожаем, обилием или довольством или, напротив, скудостью, разорением и смертью (8). Причины указанных полномочий трактуются в литературе по-разному: от наделения обходчиков чертами предков-опекунов (9) до возведения святочных обходов к обрядам посвящения (10). В пользу последней точки зрения говорит то, что ритуальное изображение колядовщиками полевых работ (“пахоты”, широко распространенной у восточнороманских народов, и “сева”, характерного для восточных славян), являлось не просто “аграрной энциклопедией”, а “развертыванием мифопоэтического образа мира”, доступного лишь посвященным, от правильности “перводействий” которых зависело благополучие семьи, общины и всего мироздания (11). В целом, женское колядование представляется в свете

вышесказанного вторичным, вместе с тем, некоторые его аспекты остаются не вполне ясными и требуют дополнительного изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. **Тульцева Л.А.** Выступление в дискуссии // Советская этнография, 1984, №6, С.60.
 2. **Макаренко А.А.** Сибирский народный календарь в этнографическом отношении // Записки РГО по отделению этнографии. СПб, 1913, Т.XXXVI, С.130.
 3. **Снегирев И.М.** Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1838, С.103, 108; **Терещенко А.В.** Быт русского народа. М., 1848, С.108, 110.
 4. Снегирев И.М. Русские простонародные праздники. С.167, 178; Терещенко А.В. Быт русского народа. С.108. Окончательный итог в разграничении обычаев подвел В.И.Чичеров, который с помощью картографирования показал, что центром овсеневого песенного типа являлась центральная полоса России и Поволжье, в то время как районы бытования “обсыпания” (“обсевания”) находились на Украине и в Белоруссии - см.: **Чичеров В.И.** Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI-XIX вв. Очерки по истории народных верований. М., 1957, С.69-79, 116.
 5. Отметим, что по мнению Л.Н. Виноградовой, сюжет с изображением охоты как сватовства для русского колядного материала является нетипичным – см.: **Виноградова Л.Н.** Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982, С.71-72.
 6. **Красноженова М.В.** Из народных обычаев крестьян деревни Покровки // Известия Красноярского подотдела ВСО РГО. Красноярск, 1914, Т.II, Вып.6, С.69-70.
 7. См. **Бернштам Т.А.** Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - начала XX вв. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988, С.165.
 8. См. об этом: **Пропп В.Я.** Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963. С.54-55.
 9. Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. С. 216.
 10. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины. С.141-142.
 11. Цивьян Т.В. К мифологической интерпретации восточнороманского колядного текста "Плугушор" // Славянский и балканский фольклор. М., 1084. С.99, 112 и др.
-